

III. РЕФЕРАТЫ

РАУЛИ Р.

**ПАТРИК КАВАНАХ:
ИРЛАНДСКИЙ ПАСТОРАЛЬНЫЙ ПОЭТ В ГОРОДЕ**

Rowley R.

Patrick Kavanagh: an Irish pastoral poet in the city // Journal of ecocriticism [Electronic review]. – 2009. – July 1(2). – P. 92–103. – Mode of access: <http://ojs.unbc.ca/index.php/joe/>

Цель статьи поэтессы и литературоведа Розмари Раули – заново оценить поэзию англо-ирландского поэта Патрика Каванаха (1904–1967), установив ее связи с пасторалью, антипасторалью и постпасторалью.

Каванах родился на северо-востоке Ирландии в городке Иннискин (графство Монаган) в семье деревенского сапожника. В течение 20 лет он был фермером. Писать он начал в 1920-е годы. В сельскую Ирландию не доходили новшества модернизма, поэзия его была пасторальной, воспевавшей Природу как неисчерпаемый источник красоты. Поэт представлял себя жрецом Природы, или друидом, его ранние пасторали были своеобразно теократическими, природа воспринималась им как творение Бога («Радость бесконечна! О сердце / Знающее Бога!»)¹ Он называл себя жрецом красоты, как друиды, царившие в Ирландии в дохристианскую эпоху. Постепенно Каванаху осточертела работа на ферме, замкнутая фермерская среда казалась ему удушающей для творчества. Он хотел

¹ *Kavanagh P. Collected poems / Ed. Quinn A. – London: Penguin books, 2004. – P. 7.*

только писать, тем более что его стихотворения с начала 1930-х печатаются в ирландских газетах и журналах, а в 1936 г. в Лондоне известное издательство «Макмиллан» выпустило его сборник «"Пахарь" и другие стихотворения».

В 1939 г. (в Европе уже началась война) Каванах покинул родное гнездо. В стихотворении «Соблазн во время уборки урожая», написанном через несколько лет после переезда в город, «закодировано» амбивалентное отношение поэта к городу и деревне: он подобен двуликому Янусу – его манит природа и как источник культуры и искусства влечет к себе город. Поэзия Каванаха была далека от поэзии У.Б. Йейтса, создавшего «новую Ирландию и новый патриотизм» (с. 94). Каванах отверг традиционный патриотизм поэзии Ирландского возрождения; на первом плане у него не абстрактный ирландский пахарь, не восхваления Ирландии и ее народа. Непосредственный контакт поэта с миром важнее для него кельтских мифов и войн за независимость. Однако в Дублине Каванах был принят как «поэт-пахарь», настоящий крестьянский поэт.

О том, что Каванах не хотел, чтобы его ценили как стереотипного крестьянского поэта, свидетельствует, в частности, его стихотворение «Крестьянин», в котором плуг обретает фаллический смысл, а земля воспринимается как невеста. «Великий голод» (опубл. 1942) Каванаха, оцененный критикой как лучшая поэма, написанная об Ирландии со времен «Покинутой деревни» Оливера Гольдсмита, по мнению Р. Раули, вполне созвучна фрейдизму нашего времени. Поэму называли «антипасторалью», выявляющей «дистанцию между реальностью и пасторальной условностью» (с. 95) и критикующей церковь за то, что она превратила природу в пастораль даже в самом человеке, «подавив его сексуальность»¹. Каванах мужественно выступил против Церкви, не имея поддержки общества, и пришел к выводу: католическое учение ошибочно толкует Священное Писание².

В городе он написал автобиографический роман «Зеленый простак», над которым нависла угроза судебного преследования за «оскорбительное» изображение жены одного из поэтов Кельтского возрождения (А.Е.), у которого Каванах бывал. Мало кто прочел этот роман из-за его малого тиража и изоляции Ирландии, сохра-

¹ Gifford T. Pastoral. – London, 1999. – P. 128, 129.

нявшей нейтралитет во время Второй мировой войны. Ценителями поэзии Каванаха были, в основном, «ядовитые» дублинские критики и журналисты. Как правило, они по идеологическому признаку делились на «левых», приверженных марксизму, и «правых». Не принадлежа ни к тем, ни к другим, Каванах выглядел как их противник.

В городе, утратив прежнее органичное, естественное восприятие жизни, он размышляет о своем состоянии как асексуальном, бесплодном. Он проходит путь от «невинного певца Природы» и ее красот до «сухого наблюдателя» человеческой природы в городе и создателя антипасторали. При этом он не просто отходит от первоначальной простоты воспевания Природы, не только грустит по прошлому, оставшемуся позади, в деревне, и испытывает чувство потери, – он стремится найти «новую эстетику», адекватную потребностям городского читателя. На это уходят годы жизни, мучительной не только из-за необходимости завоевывать чужой ему город, но и из-за собственного сложного характера, затруднявшего профессиональные и личные контакты. В городе, где «двери красоты» оказались закрыты для него, «его духом овладела сатира» (с. 97).

Но главный его путь – это поиск примирения сельского мироощущения с городским окружением. Память о красоте, бессмертие которой он ощутил еще в детстве (об этом он, в частности, писал в «Зеленом простаке»), дала поэту вдохновение и язык, чтобы совершить путешествие из раннего опыта красоты жизни в сельской местности к своеобразному воспроизведению его в городе, где он жил в зрелости. Это удалось ему в результате откровения, пережитого после серьезной операции на легких в 1955 г. Выздоровливая в больнице на берегу Большого канала в Дублине, в состоянии эйфории возвращения к жизни, он переосмыслил отношение к урбанистической среде и связал его с ранним ощущением красоты Природы. Физический, послеоперационный шок позволил ему пережить то, что Джойс назвал эпифанией, – озарением, открывшим ему то, что «двери любви к жизни / везде одни и те же («Невинность»)¹. «Понимание связи любви и красоты дает ему

¹ *Kavanagh P. Collected poems / Ed. Quinn A. – London: Penguin books, 2004. – P. 183.*

ключ к спасению в городе и одновременно спасает в нем поэта» (с. 97).

Так, в состоянии, которое в стихотворении «Автопортрет»¹ он назвал возрождением, Каванах обретает «новую эстетику». Все прежние переживания его городской жизни, вызванные необходимостью выживания, споры в пабах Дублина с коллегами-литераторами, их неискренность, которая более всего его ранила (см. его «Повесть о двух городах»²), уступают место чувству сострадания, радости, самореализации. Он принимает идею обыденности как проявления красоты, что становится его основной темой («Больница»³).

По мнению Р. Раули, Каванах создает «новую пастораль – пастораль в городе» (с. 98). Еще будучи в больнице, он пишет несколько «сонетов с берега Канала» (Canal bank sonnets), воспевающих красоту этого зеленого городского оазиса и путь, которым он как человек и поэт пришел к своему возрождению. В 1964 г. в предисловии к сборнику своих стихов он заметил: «Я верю в поэзию как явление мистическое и опасное»⁴, подразумевая то, что стихотворство – это тяжелое бремя, возложенное на поэта по воле «высших сил», оно неотвратимо. Сочетание органично присущих ему чувств красоты, мистического начала жизни с воспеванием повседневности позволяет включить его сонеты в круг наиболее оригинальных стихов о Природе на английском языке (с. 98).

Так, Каванах, по мнению Р. Раули, обретает гармоничное мировосприятие, в котором отсутствует противопоставление Природы и Культуры, красоты и безобразия. Он становится участником, создателем и певцом красоты в городской среде, давая возможность читателю постичь тайну и красоту обыденного и тривиального. Обычно пасторальные поэты начиная с XVII в. по мере разрастания городов и ослабления связей с Природой, осознанно или неосознанно, старались дать своим читателям моральный урок: поэт выступал в роли учителя. Поэзия Каванаха не ди-

¹ Kavanagh P. Collected prose. – London, 1967. – P. 15–16.

² Kavanagh P. Complete poems. – N.Y.: Kildare, 1984. – P. 223–224.

³ Kavanagh P. Collected poems / Ed. Quinn A. – London, Penguin books, 2004. – P. 184–185.

⁴ Kavanagh P. Author's note // Kavanagh P. Collected poems. – London, 1964. – P. XIII.

дактична, тем более, как уже отмечалось, не было у него склонности к «социальному улучшению», ему чужды «идеологии материализма и прогресса», господствовавшие в западном мире в первые десятилетия XX в. Скорее его можно назвать аполитичным. Он признавался, что не имеет «мессианских намерений», не претендует на роль учителя, он просто счастлив быть певцом «бессмертного» в обычной городской среде и возможностью делиться своим опытом с читателями.

Уникальное видение поэтом города было связано с его потребностью стряхнуть с себя старые социальные и религиозные «оковы», и в то же время он все же признает и частично сохраняет их. В его признаниях «больничного периода» в том, что «ему все равно»¹, «моя цель в жизни – не иметь никакой цели»² Р. Раули видит смысл: это был, по определению ирландского поэта Шеймуса Хини, «отказ от жизни ради более полной жизни» (с. 100). Каванах начинает сознавать: между Природой и искусством нет конфликта потому, что оба имеют дело с красотой, и это инициирует «постпасторальную» связь между Природой и Культурой, внутренним и внешним, человеческим и нечеловеческим, смертью и возрождением.

Ш. Хини расширил представление о постпасторали, заметив в одном из эссе, что у Каванаха «мир доступнее ему, чем он – миру» (с. 100), и поэзия его – «не столько отклик на импульсы внешнего мира, сколько идущая изнутри сильная струя изобилия, орошающая мир»³.

В творчестве ирландских поэтов, пришедших в литературу после Каванаха, городская реальность предстает лишенной благодати. Каванах оставил ирландским поэтам, живущим в постмодернистском мире с его переменчивыми ценностями, особое наследство: возможность путешествия от «простоты к простоте» как источник «спасения» для тех, кто хочет преодолеть «боль бескорневого бытия» (с. 101). Более того, любой житель города может

¹ *Kavanagh P. Self Portrait // Kavanagh P. Collected prose. – London, 1967. – P. 20.*

² *Kavanagh P. Author's note // Kavanagh P. Collected poems. – London, 1964. – P. XIV.*

³ *Heaney S. The Placeless heaven // Heaney S. Finders Keepers. – London, 2002. – P. 143.*

найти в поэзии Каванаха источник, позволяющий заново оценить опыт городской жизни, – такая переоценка ныне становится все более актуальной в мире, охваченном экологическим кризисом, вызванным человеком.

Каванах, по мнению Р. Раули, занимает уникальное место среди современников как создатель новой эстетики. Возможно, время его великого влияния еще впереди. Его эстетика временами поднимается до высот религиозного миропонимания, как в поразительном стихотворении «Обычная красота». В конечном итоге главное в его поэзии – связь бытия и Бога и поэт как толкователь мистической связи между ними.

Т.Н. Красавченко